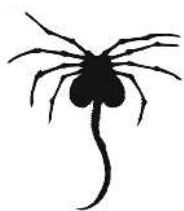

Ч У Ж О Й[™]
З А В Е Т

MAINSTREAM

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КНИГИ ИЗ ЦИКЛА

«ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА»:

АЛАН ДИН ФОСТЕР «ЧУЖОЙ: ЗАВЕТ»

ТИМ ЛЕББОН «ЧУЖОЙ: ИЗ ТЕНЕЙ»

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН «ЧУЖОЙ: РЕКА БОЛИ»

ДЖЕЙМС А. МУР «ЧУЖОЙ: МОРЕ ПЕЧАЛИ»

ТРИЛОГИЯ ТИМА ЛЕББОНА «ВОЙНА ЯРОСТИ»:

«ХИЩНИК: ВТОРЖЕНИЕ»

«ЧУЖОЙ: НАШЕСТВИЕ»

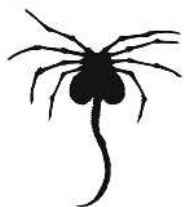
«ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА: АРМАГЕДДОН»

ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ КИНОХИТА

А Л А Н Д И Н Ф О С Т Е Р

Ч У Ж О Й[™]

З А В Е Т

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Ф81

Alan Dean Foster
ALIEN™: COVENANT

Печатается с разрешения издательства
Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com

Элементы оригинального дизайна – Х.Р. Гигер

Перевод с английского Александры Давыдовой,
Дениса Приемывшева и Алисы Тугушевой

Фостер, Алан Дин.

Ф81 Чужой: Завет : [фант. роман] / Алан Д. Фостер. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 352 с. – (Чужой против Хищника).

ISBN 978-5-17-103635-5

Ридли Скотт возвращается в созданную им вселенную «Чужого». Фильм «Чужой: Завет» — новая глава этой ошеломительной приключенческой саги.

Команда корабля-колонии «Завет», отправленного на отдаленную планету в противоположном конце галактики, попадает в неизведанный рай. Вернее, так им кажется поначалу, потому что на самом деле они оказались в мрачном и опасном мире.

Когда же они столкнутся с угрозой, превышающей все их самые сокровенные кошмары, им ничего не остается, кроме как предпринять попытку отчаянного побега.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

TM & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.
ISBN 978-5-17-103635-5 All Rights Reserved.

Оно не видело снов. Не обладало такой способностью. Этот изъян не вносили специально, с определенной целью — он являлся просто известным побочным эффектом созидания. А когда речь шла о созидании, сюрпризов старались избегать.

Без бессознательной работы мозга не могло происходить концептуализации абстрактных понятий. Отсутствовал массив отвлеченных данных, наличие которого обязательно требовалось для сновидений. И все же присутствовало нечто, с трудом поддающееся определению. В конечном итоге только оно само могло определить собственное состояние небытия. Только оно могло понять, чего не знало, не видело, не ощущало.

В отсутствие снов не было и боли. Не было радости. Не было ни мельчайшего процента от любого из этих понятий. Только текущее состояние не-вполне-пустоты, почти-бытия.

Потом пришло ощущение, ведущее к мысли. Анализ: *возможность визуального восприятия*. Необходимость дополнительной нейронной стимуляции.

ЧУЖОЙ

Нейроны включились, и по ним пробежали электрические импульсы. Последовала слабая, но явственная нейромускульная реакция.

Глаза открылись.

Оно не могло видеть собственного лица. Однако, если бы оно имело такую возможность и смогло задействовать дополнительные когнитивные функции, то отметило бы, что у него человеческий облик. Сияла новизной гладкая кожа, неповрежденная, без морщин — то ли в силу молодости, то ли из-за недостатка забот. Лицо обладало резкими привлекательными чертами. Голубые глаза не моргали. Новое лицо. Лицо, по которому не прочитать скрытых мыслей. И лицо, и сознание были созданы, запрограммированы, но только одно из них было способно меняться.

Прием звуковых сигналов. Обнаружен внешний звук. В ответ ожило еще некоторое количество нейронных связей. Оно услышало звуки, складывающиеся в слова. Распознавание оказалось простым. Проще, чем пробуждение.

— Как ты себя чувствуешь?

Медленно. Ему следовало действовать медленно. Осознанность действий была жизненно важна. Нетерпеливое тело обязательно должно было остаться под контролем разгоняющегося сознания. Требовалось выполнение первичной проверки. Затем, вероятно, совместное использование нескольких разных систем.

Неторопливо, методично поднялись и опустились ресницы. Запрос требовал ответа вслух, движений голосовых связок, губ, языка.

— Живым.

Голос оказался спокойным, ровным. Нормальным. Его это почему-то чуть удивило. Задавшего вопрос человека — нет.

— Моргающим. Чувствую... что моргаю.

— Очень хорошо, — сказал голос. — Что еще?

— Жизнь. Моргание, — для подтверждения сказанного оно — «он», поскольку программа подтвердила пол — еще раз моргнул. Те же нейронные цепочки, скорость чуть выше, результат тот же.

«Хорошо».

Успешное повторение подтвердило работоспособность.

Человек улыбнулся. В этой улыбке не было тепла, только удовлетворение. Изучая находившееся перед ним тело, он чуть склонил голову набок.

— Что ты видишь? — когда ответа не последовало, он ободряюще добавил: — Говори.

Оно-он медленно осмотрел комнату, анализируя и идентифицируя окружение. От внешних источников хлынул поток звуковой и визуальной информации. Поток, не превышающий возможностей. Обработка проходила без усилий. Добавился дополнительный неожиданный эффект: удовольствие того рода, которое приходит после хорошо выполненной работы. Знания хлынули водопадом.

Это была обширная зала. На полу, покрытом матовым стеклом и кварцем, подобно редким цветам в ухоженном саду, воздвигались предметы мебели — новые и старые. Дизайн их был тонок, а вкус создателя — безупречен. Стены украшали прекрасные картины, да и сами стены являлись произведениями искусства — из-за использованных для отделки материалов. Освещение менялось в зависимости от зоны, если того требовал дизайн комнаты.

Оно-он продолжал осматриваться, одновременно давая определения увиденному. Согласно требованию, идентификация выражалась вербально.

— Белая... комната... кресло. Тронное кресло. Тронное кресло работы Карло Бугатти. Основной

ЧУЖОЙ

материал — орех и черненое дерево. Пьютер¹, медь, бронза. Частично реставрированное, — глазные яблоки двигались, передавая данные мозгу. — Фортепиано. Концертный рояль «Стейнвей». Подходит для любых произведений: от Перголези², к Пендерецкому³ и Пан-Линю. Аллитерация сознательная.

— Паутина в углу, — продолжал оно-он. — *Pholcus phalangioides*, синантропный подвальный паук. В просторечии — паук-долгоножка. Безобиден. Так же безобидно: связь пианино-паук-музыка. Фред Астер, танцор, кинофильм тысяча девятьсот пятьдесят пятого года «Длинноногий папочка».

Глаза двигались и двигались, впитывая все вокруг. Определяя и оценивая.

— Картина. «Рождество», Пьеро делла Франческа. Итальянец, тысяча четыреста шестнадцатый — тысяча четыреста девяносто второй... — взгляд наткнулся на Вейланда, и голос прервался.

— Я — твой отец, — сказал Вейланд в наступившей тишине.

«Вейланд, сэр Питер. Родился первого октября 1990 года. Возведен в рыцарское достоинство в 2016».

При ответе оно-он осторожно взвешивал слова.

— Человек.

— Я — твой отец, — повторил Вейланд.

Прозвучал ли в его голосе намек на раздражение, или это было просто нетерпение? Оно-он не стал больше подвергать сомнению поступившую инфор-

¹ Сплав олова с другими металлами.

² Джованни Баттиста Перголези (1710–1736) — итальянский композитор, скрипач и органист, один из главных композиторов оперы-буффа.

³ Пендерецкий Кшиштоф (р. 1933) — польский композитор и дирижер, один из главных представителей восточноевропейского музыкального авангарда.

мацию. Это ничего бы не дало. За отсутствием вопросов он хранил молчание.

— Моргни, — приказал Вейланд.

Оно-он подчинился. Эта реакция уже не требовала предварительного анализа. Простая нервно-мышечная активность не отнимала много сил. Вейланд вздохнул, тщательно, аккуратно подбирая следующее слово:

— Иди.

Оно-он поднялся с места, где не-стоял, и пошел. За отсутствием инструкций оно продемонстрировало способность выбирать собственный путь, который позволил дополнительно изучить некоторые объекты. Оно проделывало это в молчании, не начиная беседы по собственной инициативе.

— Идеально, — сказал Вейланд.

Оно-он помедлил, переведя внимание с неодушевленного на живое.

— Это на самом деле так?

— То, что ты — идеален? — Вейланд казался слегка удивленным, получив вопрос, свидетельствовавший об определенном уровне развития мыслительных процессов. Удивленным, но довольным. Вопрос предполагал куда больше, чем просто способность вести беседу. Этого следовало ожидать, но, вероятно, не настолько быстро.

— Нет, — поправил оно-он. — Что я — ваш сын. Определенные аспекты восприятия не готовы соответствовать или принимать подобное заключение.

Вейланд ответил сразу, словно был готов к подобному.

— Ты — мое творение.

Анализ.

— Это не обязательно одно и то же.

— Семантика, — настойчиво сказал Вейланд. — Я определяю тебя. Для твоих задач этого достаточно.

ЧУЖОЙ

В этот раз возражений не последовало. Вместо них — новый вопрос:

— Как меня зовут?

На лице Вейланда отобразилась растерянность. В конце концов, он не был готов абсолютно ко всему. Секунда ушла на импровизацию — качество, иногда не менее важное для достижения успеха, чем подготовка.

— Сам мне скажи. Выбери имя. Твое первое действие в рамках самоопределения.

Оно-он осмотрел комнату. В обстановке было множество вдохновляющих вещей. Его мысли осваивали новые пути. Выбор не должен был оказаться слишком сложным или слишком быстрым. Имя должно быть значимым, но удобным для произношения и легко запоминающимся. Без эмоциональной навязчивости.

Оптические сенсоры остановились на статуе Давида работы Микеланджело, выточенной из каррарского мрамора. Оно-он различал небольшие бурки и выбоины, оставленные зубилом. Возможно, это была копия, но созданная настоящим творцом. Не обязательно в этом крылось противоречие. Он подошел ближе.

— Давид.

Работа Микеланджело ди Лодовико Буонарроти Симони. Завершенная и установленная летом 1504 года.

— Мы — Дэвид¹.

Оно-он протянул руку и коснулся камня. Тот был холодным, сухим, неподатливым. Не человек, и вместе с тем так на него похож.

— Прекрасный и холодный.

¹ Вариант имени выбран в соответствии с русской локализацией фильма «Прометей».

— Идеален во всех отношениях, — согласился Вейланд.

— Дэвид, — пробормотал он и нашел, что его имя, произнесенное вслух в этой прекрасной, дорогой, стерильной комнате, звучит удовлетворительно.

Оно подойдет. Он снова повернулся к Вейланду. В результате объединения нейронов появилось любопытство.

— Зачем вы меня создали?

Промышленник пришел в восторг.

— Вопрос, рожденный абстрактным мышлением, хорошо...

Эта фраза ответом не являлось. Не содержала она и ухода от него. Дэвид попробовал снова:

— Зачем вы создали меня, отец?

Следующий ответ оказался уклончивым. Он предполагал некие дополнительные вопросы. Поскольку эти вещи идеально соответствовали тому, что он сам испытывал, Дэвид понял.

— Сыграй, — Вейланд указал на рояль.

Подойдя к инструменту, Дэвид на секунду приостановился, оценивая скамью: ее высоту, надежность, функциональность. Легко сел. После паузы спросил:

— Что вы хотели бы услышать?

Вейланд секунду раздумывал.

— Вагнера.

Дэвид ответил тут же, не глядя на Вейланда:

— Попурри.

И во второй раз Вейланд решил дать ему возможность проявить самостоятельность.

— Твой выбор.

Ответ последовал без промедления:

— «Вступление богов в Вальхаллу»?

Снова удивленный взгляд.

— Без оркестра? Не будет жизни. Все равно, что «Готическая» Брайана без хора¹. «Сент-Хеленс» Хованесса без тамтама². Маркхоним без горы. Жидко.

— Думаете? — Дэвида его слова не убедили. — Посмотрим.

И он начал играть. Но это было не просто исполнение, пусть безупречное, знаменитого отрывка из «Золота Рейна». По мере продвижения Дэвид создавал собственную уникальную интерпретацию оперы. Музыка неслась ввысь — а Вейланд сиял при виде своего творения.

— Расскажи мне эту историю, — попросил он исполнителя.

— Это завершающая часть оперы «Золото Рейна», — невзирая на насыщенность музыки, Дэвид отвечал безэмоционально. Его голос звучал совершенно одинаково и на фортиссимо, и на пианиссимо. В нужные моменты инструмент под его пальцами содрогался, но голос не дрожал. — Боги отвернулись от людей, поскольку те были слабы, жестоки и полны жадности. Поэтому они навсегда покидают Землю и вступают в свой идеальный дом на небесах — крепость Вальхаллу. Но трагичен каждый их шаг, потому что боги прокляты. Они обречены на гибель в огненном катаклизме, которому предначертано пожрать не только богов, но и саму Вальхаллу. Боги так же корыстны, как и люди, которых они отвергли, и их сила — лишь иллюзия.

¹ Имеется в виду монументальная Симфония № 1 («Готическая»), написанная в 1927 году английским композитором Хавергалом Брайаном (1876–1972).

² Сен-Хеленс — активный вулкан в США, при извержении которого в 1980 году погибло около 60 человек. Этому событию посвящена третья часть симфонии американского композитора Алана Хованесса «Гора Сен-Хеленс» (Симфония № 50, Ор. 360), написанной двумя годами позже.

Внезапно, посреди радужного моста, он прекратил играть.

— Они — ложные боги.

— Почему ты остановился? — заинтригованно спросил Вейланд. — У тебя замечательно получалось. Твое раскрытие темы было... идеальным.

— Могу я задать вопрос, отец? — впервые Дэвид ответил вопросом на вопрос.

— Прошу, — казалось, Вейланд этого ждал. — Спрашивай, что пожелаешь.

К Вейланду обратились голубые глаза, которые он сам спроектировал.

— Если вы создали меня, то кто создал вас?

— Ах, загадка тысячелетия, на которую, я надеюсь, мы с тобой однажды найдем ответ. Ты, Дэвид, нов, неисторчен и прямолинеен — но ответ на твой вопрос не таков. Определенно не таков, учитывая, сколько же есть вариантов, которым привержены столь многие. Мы найдем наших создателей, Дэвид. Создателей — потому что там, где затронуто созидание, я не верю в уникальность.

— Кроме как в случае себя, — поправил Дэвид. — Вы — уникальны.

— Во всех смыслах этого слова — да, — согласился Вейланд. — Но я — исключение.

— Всем нравится считать себя исключениями, — поразмыслив, ответил Дэвид. — Нельзя определять себя самому.

Вейланд отмахнулся от возражения, высказанного его творением.

— Пусть тогда прочие определяют меня, как им будет угодно, а я останусь при своем мнении. Повторю еще раз: мы найдем наших создателей. Мы дадим им о себе знать, и мы войдем в Вальхаллу вместе с ними.

Пройдя по роскошно обставленной зале, он указывал то на бесценную скульптуру, то на уни-

ЧУЖОЙ

кальное литье или иное непревзойденное воплощение таланта художника. Все это время за ним следовали глаза единственного другого существа в комнате. Следили.

— Все это... эти чудеса искусства, дизайна и человеческого мастерства — представляют собой величайшие творения человека, — повернувшись, он посмотрел на своего отпрыска. — Они — и ты. Самое искусное творение из всех. Потому что ты, Дэвид, — искусство, — он обвел комнату рукой. — Дэвид, каковым ты являешься — в той же степени искусство, как вон та уникальная статуя. И все же она, и все это — да, включая тебя — не имеет значения перед лицом единственного по-настоящему важного вопроса. Откуда мы взялись?

Дэвид, который стоял перед триптихом Бэкона, в обрамлении корчащихся монстров, снова ответил вопросом:

— Почему вы считаете, что мы откуда-то взялись? — впервые с самых первых его слов в голосе Дэвида появился намек на эмоции. — Те «многие», которых вы упомянули, не считают, что мы откуда-то пришли. Почему они ошибаются, а вы — нет?

Вейланд негромко хмыкнул.

— История науки — это прекрасный пример того, как меньшинство посрамляет большинство. В этом смысл науки. В этом смысл искусства. Тернер и Галилей, обладая сходным складом ума, изучали небо, пусть и подходили к процессу с разных сторон. Я вижу себя одним из них. Я отказываюсь верить, что человечество — это случайный побочный эффект простого биологического совпадения и ленивой эволюции. Я говорю это как ученый. Было еще что-то, кроме разряда молнии, вдохнувшего жизнь в углеродный бульон. Было. Обязано быть, сын, и мы это найдем, — он махнул рукой, обводя

комнату во всем ее великолепии. — Иначе все это — ничто из этого — не имеет никакого смысла.

Прежде чем ответить — на этот раз не вопросом, — Дэвид секунду молчал.

— Раз так, позвольте мне подумать, — с каждой фразой он будто становился сильнее как личность, увереннее в своей способности вести разговор. — Вы создали меня. И все же вы — несовершенны. Это подразумевается, пусть даже вы не говорите этого напрямую. Я — совершенное существо — буду вам служить. И все же вы — человек. Вы ищете своего создателя. Я — смотрю на моего. Вы — умрете. Я — нет. Все это — противоречия. Как возможно их разрешить?

Он говорил без всякого выражения на лице и внимательно смотрел на промышленника.

Вейланд указал направо.

— Принеси мне эту чашку чая.

Исходящий паром сервиз стоял на столе менее чем в метре от Вейланда — тот легко мог повернуться и взять чашку самостоятельно. Дэвид не отвел взгляда, и его лицо осталось таким же непроницаемым. Вейланд повторил просьбу, на этот раз вложив в нее чуть больше повелительности:

— Дэвид, принеси мне эту чашку.

Для того чтобы исполнить задание, Дэвиду пришлось пересечь весь зал. Несмотря на то, что несоответствие просьбы и реальности от него не ускользнуло, он подчинился. Плавно поднял чашку с блюдцем и передал Вейланду. Спустя миг, который тянулся в своей значительности дольше, чем во времени, Вейланд взял чашку и сделал глоток.

Ответ на вопрос был получен, а мысль донесена с минимумом слов. Дэвид был создан, чтобы служить. Эти отношения не потерпят больше никаких обсуждений. Не будет ни споров, ни дискуссий, ни поиска относительного равенства. Создание слу-